

ЭДУАРД БЛОХ
ЭРИХ ФРОММ
ВАЛЬТЕР ЛАНГЕР

МОЙ ПАЦИЕНТ – ГИТЛЕР

ПСИХОАНАЛИЗ
ФЮРЕРА

**Эдуард Блох
Вальтер Лангер
Эрих Фромм**

**Мой пациент – Гитлер.
Психоанализ фюрера**

Серия «Наедине с убийцей»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66669006

Мой пациент – Гитлер. Психоанализ фюрера / Э. Блох, Э. Фромм, В.

Лангер; Родина; Москва; 2021

ISBN 978-5-00180-265-5

Аннотация

"...Нельзя ли добавить, что я могу каждому сердечно рекомендовать гестапо?"

(З. Фрейд)

Эту фразу отец психоанализа небрежно бросил, навсегда покидая Австрию. Буквально за несколько дней до того, как отправиться в концлагерь, знаменитый врач все же смог добиться разрешения на выезд. Вот только от него потребовали подписать бумагу, в которой он признавал, что в гестапо с ним обращались прекрасно.

За несколько десятилетий до этого семейный врач четы Гитлер Э. Блох обращался за консультацией к З. Фрейду. Гуру психоанализа был весьма обеспокоен состоянием ребенка по имени Адольф и настаивал на помещении его в психиатрическую клинику. К сожалению, Блох не внял советам мастера, а в 1940-х, равно как и З. Фрейд, вынужден был бежать из Европы.

Кем был фюрер? Что творилось в душе самого жестокого человека XX века? Об этом рассказывает его личный лечащий врач Э. Блох, комментарии к заключению дает З. Фрейд, а полный психоаналитический портрет дает классик неопсихоанализа Э. Фромм.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

«Мой пациент, Гитлер». Воспоминания врача Гитлера	6
Часть I	9
Когда Адольфу Гитлеру было тринадцать	9
Работа для фрау Гитлер	11
Замечательная материнская любовь	14
Семья решает	17
Худший момент Гитлера	19
Часть II	23
«На хранении»	26
Может ли это быть Адольф?	28
Пока умерла Австрия	30
Герой возвращается	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Эдуард Блох, Эрих Фромм, Вальтер Лангер Мой пациент – Гитлер. Психоанализ фюрера

*...Нельзя ли добавить, что я могу каждому
сердечно рекомендовать гестапо?
(З. Фрейд)*

© Э. Блох, Э. Фромм, В. Лангер

© ООО "Издательство Родина"

«Мой пациент, Гитлер».

Воспоминания врача Гитлера

Эдуард Блох

«Мой пациент, Гитлер» доктора Эдуарда Блоха, «как рассказано Дж. Д. Рэтклиффу», первоначально появился в двух частях в выпусках журнала Collier's от 15 и 22 марта 1941 года. В те дотелевизионные дни Collier's был одним из самых влиятельных и читаемых периодических изданий в Соединенных Штатах. Рассматриваемый серьезными историками как важный первоисточник о юности Гитлера, это эссе цитируется, например, в библиографии и справочных материалах знаменитой биографии Джона Толанда «Адольф Гитлер» (Doubleday, 1976). Он также цитируется как источник в исследовании Роберта Пейна «Жизнь и смерть Адольфа Гитлера» (Praeger, 1973) и в Энциклопедии Луи Снайдера Третьего рейха. (Макгроу Хилл, 1976). Откровенно описывая разрушительное воздействие антиеврейских мер Гитлера на свою жизнь и карьеру, доктор Блох также пишет о Гитлере-подростке с честностью и деликатностью, которые сегодня почти немыслимы в любом крупнотиражном американском журнале. Полный текст оригинального сочинения, состоящего из двух частей, включая оригинальные субтитры, перепечатывается здесь с неболь-

шими дополнениями в скобках.

Мы были в трех днях езды от Лиссабона и направлялись на запад в Нью-Йорк. Шторм в субботу был сильным, но в воскресенье море утихло. Незадолго до одиннадцати часов ночи наш корабль, небольшой испанский лайнер Marques de Comillas, получил приказ остановиться. Британские офицеры контроля на борту траулера хотели досмотреть пассажиров. Всем было сказано выстроиться в очередь в главном зале.

Вошли четверо британских офицеров в спасательных жилетах. Без комментариев они прошли по очереди, внимательно изучая паспорта. Было ощущение напряжения. Многие из находившихся на борту корабля бежали; они думали, что благополучно покинули Европу, когда якорь был поднят в Лиссабоне. Сейчас? Никто не знал. Возможно, кого-нибудь из нас заберут с корабля.

Наконец настала моя очередь. Офицер взял мой паспорт, взглянул на него и с улыбкой поднял глаза. «Вы были врачом Гитлера, не так ли?» он спросил. Это было правильно. Также было бы правильно, если бы он добавил, что я еврей.

Я знал Адольфа Гитлера мальчиком и молодым человеком. Я лечил его много раз и был хорошо знаком со скромным окружением, в котором он рос. Во время ее последней болезни я сопровождал человека, который был ему ближе и дороже всех остальных – его мать.

Большинство биографов – как симпатичных, так и несимпатичных – избегали юности Адольфа Гитлера. Несочувствующие сделали это по необходимости. Они могли достать только самые скудные факты. Официальные партийные биографии пропустили этот период по желанию диктатора. Откуда такая ненормальная чувствительность к его молодости? Я не знаю. Нет скандальных глав, которые Гитлер хотел бы скрыть, если только не вернуться более чем на сто лет назад к рождению его отца. Некоторые биографы говорят, что Алоис Гитлер был внебрачным ребенком. Я не могу говорить о точности этого утверждения.

А как насчет тех первых лет в Линце, Австрия, где Гитлер провел годы своего становления? Что это был за мальчик? Какую жизнь он вел? Об этом мы и поговорим здесь.

Часть I

Когда Адольфу Гитлеру было тринадцать

Для начала нужно представиться. Я родился во Фрауэнбурге, крошечной деревушке на юге Чехии, которая на протяжении моей жизни была под тремя флагами: австрийским, чехословацким и немецким. Сейчас мне шестьдесят девять лет. Я изучал медицину в Праге, затем пошел в австрийскую армию в качестве военного врача. В 1899 году меня отправили в Линц, столицу Верхней Австрии и третий по величине город страны. Когда я закончил службу в армии в 1901 году, я решил остаться в Линце и заниматься медициной.

Как город, Линц всегда был таким же тихим и сдержанным, как Вена была веселой и шумной. В тот период, о котором мы собираемся поговорить, – когда Адольф Гитлер был 13-летним [на самом деле 14-летним] – Линц был городом с населением 80 000 человек. Мои консультационные комнаты и дом находились в одном доме, старинном здании в стиле барокко на Ландштрассе, главной улице города.

Семья Гитлеров переехала в Линц в 1903 году, потому что, как мне кажется, там хорошие школы. Семейное прошлое хорошо известно. Алоис Шикльгрубер Гитлер был сы-

ном бедной крестьянской девушки. Когда он стал достаточно взрослым, чтобы работать, он устроился учеником сапожника, пошел на государственную службу и стал таможенным инспектором в Браунау, крошечном приграничном городке между Баварией и Австрией. Браунау находится в пятидесяти милях от Линца. В пятьдесят шесть лет Алоис Гитлер получил право на пенсию и ушел с работы. Гордясь собственными успехами, он очень хотел, чтобы его сын поступил на государственную службу. Молодой Адольф яростно воспротивился этой идее. Он был бы художником. Отец и сын ссорились из-за этого, а мать, Клара Гитлер, пыталась всех примирить.

Пока он жил, Алоис Гитлер упорно пытался приспособить судьбу своего сына к своим собственным желаниям. Его сын получит образование, в котором ему было отказано; образование, которое обеспечило бы ему хорошую работу в правительстве. Итак, отец Алоис приготовился покинуть деревню Браунау и отправиться в город Линц. Из-за его государственной службы ему не нужно было оплачивать полное обучение своего сына в Realschule. С учетом всего этого он купил небольшую ферму в Леондинге, пригороде Линца.

Семья была довольно большая. В более зрелой жизни Адольф настолько затмил остальных, что о них по большей части забыли. Был сводный брат Алоис, которого я никогда не встречал. Он рано ушел из дома, устроился официантом в Лондон, а позже открыл свой ресторан в Берлине. Он ни-

когда не был дружен со своим младшим братом.

Потом была Паула, старшая из девочек. Позже она вышла замуж за герра Рубала, чиновника налогового управления в Линце. Еще позже, после смерти мужа и прихода к власти брата, она поехала в Берхтесгаден, чтобы работать экономом на вилле Гитлера. Сестра Клара какое-то время управляла рестораном для еврейских студентов в Венском университете; а сестра Анжела, младшая из девочек, вышла замуж за профессора Хамича в Дрездене, где живет до сих пор.

Работа для фрау Гитлер

Семья едва поселилась в своем новом доме за пределами Линца, как Алоис, отец, внезапно скончался от инсульта.

В то время фрау Гитлер было за сорок. Она была простой, скромной, доброй женщиной. Она была высокой, с коричневатыми волосами, аккуратно заплетенными в косу, и с длинным овальным лицом с красивыми, выразительными серо-голубыми глазами. Ее отчаянно беспокоила ответственность, возложенная на нее смертью мужа. Алоис, который был на двадцать три года старше ее, всегда руководил семьей. Теперь эта ноша легла на ее плечи.

Было очевидно, что сын Адольф был слишком молод и слишком хрупок, чтобы стать фермером. Поэтому ее лучшим решением, кажется, было продать это место и снять небольшую квартирку. Она сделала это вскоре после смер-

ти мужа. На доходы от этой продажи и небольшую пенсию, которая была назначена ей из-за того, что ее муж занимал должность в правительстве, ей удалось сохранить свою семью.

В маленьком городке в Австрии бедность не навязывает тех унижений, как в большом городе. Здесь нет трущоб и большой перенаселенности. Я не знаю точного дохода семьи Гитлера, но, представляя размер государственных пенсий, я могу оценить его приблизительно в 25 долларов в месяц. Эта небольшая сумма позволяла им жить тихо и прилично – незамеченными человечками в глухом городке.

Их квартира состояла из трех небольших комнат в двухэтажном доме на Блутенштрассе № 9, который находится через Дунай от основной части Линца. Из его окон открывался прекрасный вид на горы.

Мое главное впечатление от простой мебелированной квартиры – это чистота. Он блестел. Ни пылинки на стульях или столах, ни пятнышка грязи на вымытом полу, ни пятнышка на стеклах окон. Фрау Гитлер была превосходной хозяйкой.

У Адольфа Гитлера было всего несколько друзей. Один выделялся над другими; вдова почтмейстера, жившая в том же доме.

Ограниченный бюджет не позволял ни малейшей расточительности. У нас в Линце была обычная провинциальная опера: и неплохо, и неплохо. Те, кто хотел слышать лучше

всех, отправились в Вену. Места в галерее нашего театра, Schauspielhaus, были проданы за 10–15 центов в американских деньгах. Тем не менее, занятие одного из этих мест, чтобы услышать, как равнодушная труппа поет «Лоэнгрин», было таким памятным событием, что Гитлер записал его в «Майн кампф»!

По большей части развлечения мальчика ограничивались тем, что было бесплатно: прогулками по горам, купанием в Дунае, бесплатным концертом музыкального коллектива. Он много читал и был особенно очарован рассказами об американских индейцах. Он проглотил книги Джеймса Фенимора Купера и немецкого писателя Карла Мэя, которые никогда не были в Америке и никогда не видели индейцев.

Семейная диета по необходимости была простой и суровой. Еда в Линце была дешевой и в изобилии; и семья Гитлера придерживалась той же диеты, что и другие люди в их обстоятельствах. Мясо подавали два раза в неделю. Большая часть еды, за которую они сели, состояла из капустного или картофельного супа, хлеба, клецок и кувшина груши и яблочного сидра.

В качестве одежды они использовали грубую шерстяную ткань, которую мы называем Лоден. Адольф, конечно же, был одет в форму всех маленьких мальчиков: кожаные шорты, вышитые подтяжки, небольшую зеленую шляпку с перышком на повязке.

Замечательная материнская любовь

Каким мальчиком был Адольф Гитлер? Многие биографы считают его резким, вызывающим, неопрятным; как молодой хулиган, олицетворяющий все непривлекательное. Это просто неправда. В юности он был тихим, хорошо воспитанным и аккуратно одетым.

Он пишет, что в возрасте пятнадцати лет считал себя политическим революционером. Возможно. Но давайте посмотрим на Адольфа Гитлера так, как он произвел впечатление на окружающих, а не как он произвел впечатление на себя.

Он был высоким, землистым, старым для своего возраста. Он не был ни крепким, ни болезненным. Возможно, «хилый на вид» лучше всего описал бы его. Его глаза, унаследованные от матери, были большими, меланхоличными и задумчивыми. В значительной степени этот мальчик жил внутри себя. Какие сны ему снились, я не знаю.

Внешне его самой яркой чертой была любовь к матери. Хотя он не был «материнским сыном» в обычном смысле этого слова, я никогда не видел более тесной привязанности. Некоторые утверждают, что эта любовь граничила с патологией. Как бывший близкий родственник семьи, я не верю, что это правда.

Клара Гитлер обожала сына, младшего в семье. Она поз-

воляла ему идти своим путем везде, где это было возможно. Его отец настоял на том, чтобы он стал чиновником. Он восстал и привлек на свою сторону мать. Вскоре он устал от школы, поэтому мать разрешила ему бросить учебу.

Все друзья семьи знают, как фрау Гитлер поощряла его мальчишеские попытки стать художником; какой ценой для себя можно догадываться. Несмотря на их бедность, она позволила ему отказаться от предложенной работы на почте, чтобы он мог продолжить рисовать. Она восхищалась его акварелями и его зарисовками сельской местности. Я не знаю, было ли это искренним восхищением или просто попыткой поощрить его талант.

Она изо всех сил старалась хорошо вырастить своего мальчика. Она увидела, что он опрятен, опрятен и накормлен настолько, насколько позволяла ее сумочка. Когда бы он ни приходил в мою консультационную комнату, этот странный мальчик сидел среди других пациентов, ожидая своей очереди.

Никогда не было ничего серьезного. Возможно, воспаляются миндалины. Он будет стоять послушно и непоколебимо, пока я вдавливаю его язык и вытираю проблемные места. Или, возможно, он простудился. Я угощу его и отправлю в путь. Как любой воспитанный мальчик четырнадцати или пятнадцати лет, он кланялся и вежливо благодарил меня.

Я, конечно, знаю о проблемах с желудком, которые преследовали его в более позднем возрасте, в основном из-

за плохой диеты, когда он работал обычным разнорабочим в Вене. Я не могу понять многочисленные упоминания о его болезни легких в молодости. Я был единственным врачом, лечившим его в тот период, когда он предположительно страдал от этого. В моих записях ничего подобного нет. Безусловно, у него не было румяных щек и крепкого здоровья, как у большинства других молодых людей; но в то же время он не был болезненным.

В Realschule юный Адольф работал далеко не блестяще. В качестве подтверждения у меня есть слова его бывшего учителя, доктора Карла Хьюмера, моего старого знакомого. Я был врачом фрау Хьюмер. В «Майн кампф» Гитлер пишет, что он был равнодушным учеником по большинству предметов, но любил историю. Это согласуется с воспоминаниями профессора Хьюмера.

Желая получить дополнительное образование в живописи, Гитлер решил, что поедет в Вену учиться в Академии. Это было судьбоносное решение для члена бедной семьи. Его мать беспокоилась о том, как он будет ладить. Я понимаю, что она даже предложила немного урезать семейный бюджет, чтобы она могла послать ему крошечное пособие. Кредитовать мальчика он отказался. Он пошел еще дальше: передал сестрам свое минутное наследство. Ему тогда было восемнадцать.

Я не уверен в точных деталях того, что произошло во время той поездки в Вену. Некоторые утверждают, что его

не приняли в Академию из-за неудовлетворительной художественной работы. Другие принимают заявление Гитлера о том, что его отказ был вызван тем, что он не смог окончить Realschule – эквивалент американской средней школы. В любом случае через несколько недель он снова был дома. Позднее в этом году – 1908 [1907, по некоторым источникам] – моим долгом стало сообщить Гитлеру, возможно, самую печальную новость в его жизни.

Однажды фрау Гитлер пришла ко мне в утренние часы работы. Она жаловалась на боль в груди. Она говорила тихим, приглушенным голосом; почти шепотом. По ее словам, боль была сильной; достаточно, чтобы не спать по ночам напролет. Она была занята домашним хозяйством, поэтому не обращалась за медицинской помощью. Кроме того, она думала, что боль пройдет. Когда врач слышит такую историю, он почти автоматически думает о раке. Обследование показало, что у фрау Гитлер была обширная опухоль груди. Я не сказал ей о своем диагнозе.

Семья решает

На следующий день я вызвал детей к себе в офис и откровенно изложил ситуацию. Я сказал им, что их мать была тяжело больной. Злокачественная опухоль сегодня достаточно серьезна, но тридцать лет назад она была еще серьезнее. Хирургические методы были не столь развиты, а знания о раке

не столь обширны.

Я объяснил, что без операции на выздоровление нет никакой надежды. Даже после операции был малейший шанс, что она выживет. На семейном совете они должны решить, что делать.

Реакция Адольфа Гитлера на эту новость была трогательной. Его длинное желтоватое лицо исказилось. Слезы текли из его глаз. Он спросил, неужели у его матери нет шансов? Только тогда я осознал масштабы привязанности, существовавшей между матерью и сыном. Я объяснил, что у нее был шанс; но маленький. Даже этот клочок надежды успокаивал его.

Дети передали моё послание своей матери. Она приняла приговор так, как я был уверен, – стойко. Глубоко религиозная, она полагала, что ее судьба была волей Бога. Ей и в голову не пришло бы жаловаться. Она согласится на операцию, как только я смогу подготовиться.

Я объяснил этот случай доктору Карлу Урбану, начальнику хирургического персонала больницы сестер милосердия в Линце. Урбан был одним из самых известных хирургов в Верхней Австрии. Он был и остается щедрым человеком, что делает честь его профессии. Он охотно согласился провести операцию на любом предложенном мной основании. После обследования он согласился с моим мнением о том, что у фрау Гитлер очень мало шансов выжить, но эта операция давала единственную надежду.

Интересно отметить, что случилось с этим щедрым человеком почти три десятилетия спустя – после *аниллюса* [союза] с Германией. Из-за своих политических связей он был вынужден отказаться от работы в больнице. Его сын, который был пионером в хирургии головного мозга, также был вынужден покинуть несколько кабинетов.

Однажды вечером в начале лета 1908 года [1907?] Фрау Гитлер прибыла в больницу. У меня нет точной даты, поскольку мои записи по делу были помещены в архив нацистской партии в Мюнхене. В любом случае фрау Гитлер провела ночь в больнице, а на следующее утро ей сделали операцию. По просьбе этой нежной, измученной души я остался возле операционного стола, пока доктор Урбан и его ассистент проводили операцию.

Два часа спустя я поехал в своей карете через Дунай к маленькому домику на Блутенштрассе № 9, в районе города, известном как Урфар. Там меня ждали дети.

Девочки приняли слово, которое я принес, спокойно и сдержанно. Лицо мальчика было залито слезами, а глаза его были усталыми и красными. Он слушал, пока я не закончил говорить. У него есть только один вопрос. Сдавленным голосом он спросил: «Моя мама страдает?»

Худший момент Гитлера

По прошествии недель и месяцев после операции силы

фрау Гитлер стали заметно падать. Максимум, она могла вставать с постели час или два в день. В этот период Адольф большую часть времени проводил в доме, в который вернулась его мать.

Он спал в крошечной спальне, примыкающей к спальне его матери, чтобы его можно было вызвать в любое время ночи. Днем он парил около большой кровати, на которой она лежала.

При болезни, подобной той, от которой страдает фрау Гитлер, обычно бывает сильная боль. Она хорошо несла свое бремя; непоколебимый и безропотный. Но это, казалось, мучило ее сына. Мучительная гримаса охватила его, когда он увидел, как боль сжала ее лицо. Мало что можно было сделать. Время от времени инъекции морфина приносили временное облегчение; но ничего длительного. И все же Адольф казался чрезвычайно благодарным даже за эти короткие периоды освобождения.

Я никогда не забуду Клару Гитлер в те дни. Ей тогда было сорок восемь лет; высокий, стройный и довольно красивый, но истощенный болезнью. Она была тихой, терпеливой; больше беспокоилась о том, что случится с ее семьей, чем о приближающейся смерти. Она не скрывала своих опасений; или о том, что большинство ее мыслей было о сыне. «Адольф еще так молод», – неоднократно повторяла она.

В день 20 декабря 1908 [или 1907] я сделал два звонка. Приближался конец, и я хотел, чтобы эта хорошая женщи-

на чувствовала себя комфортно, насколько это возможно. Я не знал, проживет ли она еще неделю или еще месяц; или смерть наступит в считанные часы.

То, что Ангела Гитлер принесла мне на следующее утро, не стало неожиданностью. Ее мать тихо умерла ночью. Дети решили не беспокоить меня, зная, что их матери не оказывают никакой медицинской помощи. Но, спросила она, могу я прийти сейчас? Свидетельство о смерти должен был подписать кто-то на официальном посту. Я надел пальто и поехал с ней в убитый горем коттедж.

Вдова почтмейстера, их ближайшая подруга, была с детьми, более или менее взяв на себя все заботы. Адольф, лицо которого выражало усталость от бессонной ночи, сидел рядом с матерью. Чтобы сохранить последнее впечатление, он зарисовал ее лежащую на смертном одре.

Некоторое время я сидел с семьей, пытаюсь облегчить их горе. Я объяснил, что в этом случае смерть была спасителем. Они поняли.

В моей профессиональной практике естественно, что я был свидетелем многих сцен, подобных этой, но ни одна из них не оставила у меня такого же впечатления. За всю свою карьеру я никогда не видел никого более падшего от горя, чем Адольф Гитлер.

Я не был на похоронах Клары Гитлер, которые проходили в канун Рождества. Тело было доставлено из Урфара в Леондинг, всего в нескольких милях от него. Клару Гитлер

похоронили рядом с мужем на католическом кладбище, за маленькой желтой лепной церковью. После того, как остальные – девушки и вдова почтмейстера – ушли, Адольф остался; не в силах оторваться от только что засыпанной могилы.

И вот этот изможденный, бледный молодой человек стоял один на холоде. Наедине со своими мыслями в канун Рождества, в то время как остальной мир был весел и счастлив.

Через несколько дней после похорон семья пришла ко мне в офис. Они хотели поблагодарить меня за помощь, которую я им оказал. Там была Паула, хорошенькая и коренастая; Анжела, стройная, красивая, но анемичная; Клара и Адольф. Девочки говорили то, что было в их сердцах, а Адольф хранил молчание. Я вспоминаю эту конкретную сцену так же ярко, как могу вспомнить то, что произошло на прошлой неделе.

Адольф был одет в темный костюм и галстук со свободным узлом. Тогда, как и сейчас, прядь волос упала ему на лоб. Его глаза были устремлены в пол, пока его сестры разговаривали. Затем настала его очередь. Он шагнул вперед и взял меня за руку. Посмотрев мне в глаза, он сказал: «Я буду вечно вам благодарен». Это все. Затем он поклонился. Интересно, вспоминает ли он сегодня эту сцену? Я совершенно уверен, что да, поскольку в некотором смысле Адольф Гитлер сдержал свое обещание благодарности. Мне были оказаны милости, которые, я уверен, не оказывались ни одному еврею во всей Германии или Австрии.

Часть II

Почти сразу после похорон матери Гитлер уехал в Вену, чтобы попытаться снова сделать карьеру художника. Его взросление было болезненным опытом для мальчика, который жил внутри себя. Но приближались еще более тяжелые дни. Как бы ни была бедна семья, ему, по крайней мере, гарантировали еду и кров, пока он жил дома. Этого нельзя было сказать о днях в Вене. Гитлер был полностью поглощен делом по сохранению тела и души вместе.

Мы все кое-что знаем о его жизни там – о том, как он работал носильщиком на строительных работах, пока рабочие не стали угрожать столкнуть его с эшафота. И мы знаем, что он разгребал снег и брался за любую другую работу, какую только мог найти. В течение этого периода, фактически в течение трех лет, Гитлер жил в мужском общежитии, эквивалентном ночлежке в любом большом американском городе. Именно здесь он начал мечтать о мире, переделанном по его образцу.

Живя в общежитии в окружении человеческих отбросов большого города, Гитлер говорит: «Впервые в жизни я стал недоволен собой». За этим недовольством собой последовало недовольство всем в нем – и желание изменить вещи по своему вкусу.

Купол ненависти начал ползать по его телу. Мрачные ре-

алии его жизни побуждали его ненавидеть правительство, профсоюзы и тех самых людей, с которыми он жил. Но он еще не начал ненавидеть евреев.

В этот период он взял тайм-аут, чтобы отправить мне открытку за пенни. На обороте было сообщение: «Из Вены я передаю вам привет. С уважением, всегда искренне, Адольф Гитлер». Это была мелочь, но я это оценила. Я потратил много времени на лечение семьи Гитлера, и было приятно знать, что эти усилия с моей стороны не были забыты.

Официальные нацистские издания также сообщают, что я получил одну из картин Гитлера – небольшой пейзаж. Если бы я знал, то я этого не осознавал. Но вполне возможно, что он прислал мне один, а я забыл об этом. В Австрии пациенты часто посылают своим врачам картины или другие подарки в знак благодарности. Даже сейчас у меня есть полдюжины этих масел и акварелей, которые я сохранил; но среди них не было ни одного нарисованного Гитлером.

Однако я сохранил одно произведение искусства Гитлера. Это произошло в то время, когда он в Вене рисовал открытки, плакаты и т. д., зарабатывая достаточно денег, чтобы содержать себя. Это был единственный раз в жизни, когда Гитлер смог успешно использовать свой талант.

Он раскрашивал эти открытки и сушил их перед горячим огнем, что придавало им довольно приятное старинное качество. Потом их продавали другие обитатели общежития. Сегодня в Германии немногие оставшиеся образцы этой ра-

боты ценятся и пользуются большим спросом, чем работы Пикассо, Гогена и Сезанна!

Гитлер прислал мне одну из этих карточек. На нем был изображен монах-капуцин в капюшоне, поднимающий бокал пузырящегося шампанского. Под картинкой была подпись: «Prosit Neujahr – тост за Новый год». На обратной стороне он написал сообщение: «Семья Гитлера шлёт вам наилучшие пожелания счастливого Нового года. С вечной благодарностью, Адольф Гитлер».

Почему я откладываю эти карточки, чтобы спастись, я не знаю. Возможно, это было из-за того впечатления, которое произвел на меня тот несчастный мальчик. Даже сегодня я не могу не думать о нем с точки зрения его горя, а не с точки зрения того, что он сделал с миром.

У этих почтовых открыток любопытная история. Они показали, насколько Гитлер захватил воображение некоторых людей. Богатый венский промышленник – я не знаю его имени, потому что он работал через посредника – позже сделал мне удивительное предложение. Он хотел купить эти две карты и был готов заплатить за них 20 000 марок! Я отклонил предложение на том основании, что не могу совершить такую продажу с этической точки зрения.

В этих двух картах есть еще одна история. Через семнадцать дней после краха правительства Шушнигга и оккупации Австрии немецкими войсками ко мне домой зашел агент гестапо. В то время я делал профессиональный звонок, но

моя жена приняла его.

«На хранении»

«Мне сообщили, – сказал он, – что у вас есть сувениры фюрера. Я хотел бы их увидеть». Моя жена поступила разумно, но не протестовала. Она не хотела, чтобы ее дом развалили на части, как это было во многих еврейских домах. Она нашла две карточки и передала их. Агент нацарапал квитанцию, которая гласила: «Свидетельство о хранении двух почтовых открыток (одна из них нарисована рукой Адольфа Гитлера), конфискованных в доме доктора Эдуарда Блоха». Его подписал неизвестный нам агент по имени Громер. Он сказал, что я должен приехать в штаб на следующее утро.

Почти сразу после того, как нацисты вошли в город, гестапо захватило небольшую гостиницу на Гезелленхаусштрассе, которой официально покровительствовали разъездные священнослужители. Я пошел в это место, и меня приняли почти сразу. Меня любезно встретил доктор Раш, глава местного бюро. Я спросил его, почему были отобраны эти клочки собственности.

Это были тяжелые дни для гестапо. В городе с населением 120 000 человек нужно было о многом позаботиться. Выяснилось, что доктор Раш не был знаком с моим случаем. Он спросил, не подозреваю ли меня в какой-либо политической деятельности, неблагоприятной для нацистов. Я отве-

тил, что нет; что я профессиональный человек без политических связей.

Видимо, запоздало, он спросил, не арийец ли я. Я ответил бескомпромиссно: «Я стопроцентный еврей». Перемена, которая произошла с ним, была мгновенной. Раньше он был деловит, но вежлив. Теперь он стал отстраненным.

По его словам, карты будут оставлены на хранение. Затем он отпустил меня, не вставая и не пожимая руки, как когда я вошел. Насколько мне известно, карты все еще находятся в руках гестапо. Больше я их не видел.

Когда он уехал в Вену, Адольфу Гитлеру суждено было исчезнуть из нашей жизни на долгие годы. У него не было друзей в Линце, к которым он мог бы вернуться в гости, и немногих, с которыми он мог бы обмениваться перепиской. Итак, гораздо позже мы узнали о его ужасной бедности в те дни и о его последующем переезде в Мюнхен в 1912 году (точнее, в мае 1913 года).

Никаких новостей не поступало о том, как он упал на колени и благодарил Бога, когда в 1914 году была объявлена война; и никаких новостей о его военной службе в качестве капрала 16-го баварского пехотного полка. Мы ничего не слышали о его ранении и отравлении газом. Только в начале его политической карьеры в 1920 году мы снова узнали об этом тихом, вежливом мальчике, выросшем среди нас.

Может ли это быть Адольф?

Иногда в местных газетах появлялись статьи о группе политических сторонников, которую Гитлер собирал вокруг себя в Мюнхене; рассказы об их ненависти к евреям, к Версальскому миру и почти ко всему остальному. Но особого значения этой деятельности не придавали. Только после того, как в пивном путче 8 ноября 1923 года погибло двадцать человек, Гитлер получил известность среди местных жителей. «Возможно ли, — спросил я себя, — что за всем этим стоит тихий мальчик, которого я знал — сын нежной Клары Гитлер?»

В конце концов даже упоминание имени Гитлера в австрийской прессе было запрещено; тем не менее, мы продолжали получать молву из уст в уста нашего бывшего горожанина: рассказы о преследованиях, которые он начал; перевооружения Германии; грядущей войны. Эта контрабандная новость достигла чутких ушей. Возникла местная нацистская партия.

Теоретически такой партии не могло быть; оно было объявлено вне закона правительством. На практике власти дали на это свое благословение. Местные нацисты, которым отказали в униформе, применили методы идентификации себя для всех. На них были белые чулки. На пальто они носили небольшой полевой цветок, очень похожий на американскую

ромашку, а на Рождество они зажигали в своих домах голубые свечи.

Мы все это знали, но ничего не было сделано. Время от времени местные власти находили на могиле Клары Гитлер в Леондинге нацистский флаг и снимали его без всяких церемоний. Тем не менее, надвигающаяся буря в Германии казалась далекой. Прошло довольно много времени, прежде чем я получил известие из первых рук от Адольфа Гитлера. Затем, в 1937 году, несколько местных нацистов посетили партийную конференцию в Нюрнберге. После конференции Гитлер пригласил нескольких из этих людей поехать с ним на свою горную виллу в Берхтесгадене. Фюрер спросил новости о Линце. Как город? Поддерживали ли его там люди? Он попросил новости обо мне. Был ли я еще жив, все еще практикуюсь? Затем он сделал заявление, раздражающее местных нацистов. «Доктор Блох, – сказал Гитлер, – это Эдельд-жуд», – благородный еврей. Если бы все евреи были похожи на него, не было бы еврейского вопроса». Было странно и в некотором роде лестно, что Адольф Гитлер видел хорошее хотя бы в одном представителе моей расы.

Теперь любопытно оглянуться назад на то чувство безопасности, которое мы испытывали благодаря тому, что жили по правую сторону от воображаемой линии, международной границы. Конечно, Германия не могла бы случайно вторгнуться в Австрию. Франция была дружелюбной. Оккупация Австрии противоречила бы интересам Италии. О, но

в те дни мы были слепы! Затем нас захватил захватывающий поток событий. С надеждой мы читаем о поездке [канцлера Австрии] Шушнига в Берхтесгаден; его плебисцит; включение Зейсс-Инкварта в свой кабинет. Возможно, мы переживем этот кризис нетронутыми. Но надежда была обречена на смерть в считанные часы. Как только Зейсс-Инкварт вошел в кабинет, на каждом лацкане росли пуговицы: «Один народ, одно царство, один лидер».

Пока умерла Австрия

В пятницу, 11 марта 1938 года, Венское радио транслировало лёгкую передачу. Было 7:45 ночи. Внезапно вмешался диктор. Канцлер заговорил. Шушниг вышел в эфир и сказал, что для предотвращения кровопролития он капитулирует перед желанием Гитлера. Границы будут открыты, он закончил свое обращение словами: «Gott schütze Oesterreich» — да защитит Бог Австрию. Гитлер возвращался домой в Линц.

В последующие бессонные дни мы цеплялись за радио. Войска хлынули через границу в Пассау, Куфштайне, Миттенвальде и в других местах. Сам Гитлер переходил реку Инн в Браунау, на своей родине. Диктор, затаив дыхание, рассказал нам историю марша. Сам фюрер останавливался в Линце. Город сошел с ума от радости. У читателя не должно быть сомнений в популярности аншлюса с Германией. Народ одобрил это. Они приветствовали натиск немецких войск

цветами, приветствиями и песнями. Звонили церковные колокола. Австрийские войска и полиция братались с захватчиками, и все это ликовало.

На общественной площади Линца, в квартале от моего дома, царила суматоха. Весь день он звенел песней Хорста Весселя и Deutschland über Alles. Над головами гудели самолеты, и передовые части немецкой армии приветствовали их громкими возгласами. Наконец радио объявило, что Гитлер находится в Линце.

Горожанам были даны предварительные инструкции. Все окна по маршруту шествия должны были быть закрыты. Каждый должен быть зажжен. Я стоял у окна своего дома, выходящего на Ландштрассе. Гитлер пройдет раньше меня.

Герой возвращается

Вскоре прибыла процессия – большой черный автомобиль «Мерседес», шестиколесный мотор, по бокам стояли мотоциклы. Хрупкий мальчик, которого я так часто лечил и которого не видел тридцать лет, стоял в машине. Я оказал ему только доброту; что ему теперь делать с людьми, которых я любил? Я посмотрел поверх голов толпы на Адольфа Гитлера.

Это был момент напряженного возбуждения. В течение многих лет Гитлеру отказывали в праве посетить страну, в которой он родился. Теперь эта страна принадлежала ему.

Восторг, который он чувствовал, был написан на его лице. Он улыбался, махал рукой, отдавал нацистское приветствие людям, заполнившим улицу. Затем на мгновение он взглянул на мое окно. Я сомневаюсь, что он видел меня, но у него, должно быть, была минута размышлений. Здесь был дом Эдельджуда, который диагностировал смертельный рак своей матери; здесь была приемная человека, лечившего его сестер; вот то место, куда он ходил мальчиком лечить свои легкие недуги.

Это был короткий момент. Затем процессия исчезла. Он медленно двинулся на городскую площадь — некогда площадь Франца-Иосифа, которая вскоре будет переименована в площадь Адольфа Гитлера. Он говорил с балкона ратуши. Я слушал радио.

Исторические слова: Германия и Австрия теперь были одним целым.

Гитлер обосновался в отеле Weinzingер, в частности просил квартиру с видом на гору Поэстлинг. Эта сцена была видна из окон скромной квартирки, где он провел свое детство.

На следующий день он позвонил нескольким старым знакомым: Оберхаммеру, местному партийному функционеру; Кубичек [Кубичек], музыкант; Лидель, часовщик; Доктор Хьюмер, его бывший учитель истории. Было понятно, что он не мог пригласить меня, еврея, на такую встречу; все же он справился обо мне. Некоторое время я думал попросить об аудиенции, но потом решил, что это будет неразумно.

Гитлер прибыл в субботу вечером. В воскресенье он посетил могилу своей матери и оглядел местных нацистов, марширующих перед ним. Не облаченные в форму, они носили трусики, лыжные штаны или кожаные шорты. В понедельник Гитлер отбыл в Вену.

Вскоре мы пришли к острому осознанию того, какими должны быть другие вещи. В Линце было 700 евреев. Магазины, дома и офисы всех этих людей были отмечены знаменами из желтой бумаги, которые теперь видны по всей Германии, JUDE – еврей.

Первое предложение о том, чтобы мне оказали особые услуги, поступило однажды, когда позвонило из местного гестапо. Я должен был убрать желтые знаки со своего офиса и дома. Затем произошло второе: мой домовладелец, ариец, пошел в штаб-квартиру гестапо, чтобы спросить, можно ли мне остаться в моей квартире. «Мы бы не посмели коснуться этого вопроса», – сказали ему. «Этим займется Берлин». Гитлер, видимо, вспомнил. Затем случилось то, что заставило меня усомниться.

Без всякой причины посадили в тюрьму моего зятя, молодого врача. Никому не разрешалось видеться с ним, и мы не получали о нем никаких известий. Моя дочь пошла в гестапо. «Хотел бы Вождь узнать, что зять его старого врача был отправлен в тюрьму?» она спросила. С ней обращались грубо и резко за ее безрассудство. Разве вывески с отцовского дома не убрали? Этого было мало? И все же ее визит, должно

быть, произвел какой-то эффект. Через три недели ее мужа отпустили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.